

Шавел Баулин

КАМЕРТОН ДОБРОТЫ

Павел Баулин

КАМЕРТОН ДОБРОТЫ

СТИХИ

Днепропетровск
«Промінь»
1986

P2
Б-29

В новый сборник русского советского поэта, живущего на Украине, вошли стихи о наших современниках. Любовь к родному краю, истории Отечества, самому близкому человеку — вот чему посвящены размышления автора книги. Он ненавязчиво напоминает о необходимости в век высоких скоростей и глобальных научных открытий ценить каждый миг времени, заботиться о песне и птице, речке и березе — обо всем, что нас окружает.

Рецензенты:
члены Союза писателей СССР
Л. Н. Вышеславский,
М. С. Селезнев

4702010200-001
Б М219(04)-86 58-86

© Издательство «Промінь», 1986.

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ

Высыплю в кормушку
Старый хлеб да кашу.
Сорок воробьев
И пять синиц
Посреди зимы
Опять докажут,
Что на свете нет
Непевчих птиц.
Прилетят весною
Корифеи песни.
Ласковое солнце,
Легкие харчи...
Тишина стальная,
Как скорлупка, треснет, —
Счастью и смятенью
Внемли и молчи.
Соловьиной песней
Не дадут ушитья:
Будет звать кукушка,
Вороны греметь.
Что авторитеты?
Ведь любая птица,
Если пожелает,
Начинает петь.

Ведь своим особым голосом гордится,—
Будь до хрипа низок он,
Будь, как писк, высок,—
Городская птица
И лесная птица,
Потому и слышен каждый голосок.
...Гениев горластость — в генах их породы.
Что же прочим делать? Молкнуть?

Надуть щик?..

Провожу невольно параллель с природой,—
Что на свете нет непевчих птиц.

В НОЧЬ НА 9 МАЯ

Звезды на обелисках молчат отчаянно.
Звезды в небе надменно молчат.
И утверждает ночное молчание
Луны восковая печать.
И я повторяю: Прошедшее близко!
Такие же ландыши робко цвели...
За этими звездами на обелисках —
Родное дыхание отчей земли.
Лишь трогаю памяти клавиатуру,
Как хлещет навстречу
Горячий свинец.
И кто-то бросается на амбразуру...
Закрою глаза.
И увижу — отец.

КАЛМЫЦКИЕ СТЕПИ

Подтаявшая ночь!
Отдай свои владенья
Напористому дню,
И с неба, песня, хлынь.
И царствуют в степях

Два маленьких растенья, —
Тюльпаны и полынь,
Тюльпаны и полынь.
Природа ль так мудра,
А может, совпаденье? —
Цветами обожгись,
В густой траве осынь.
Как радость и печаль,
Два маленьких растенья,
Два полюса степей —
Тюльпаны и полынь.
Цени огонь любви,
Согрейся словом друга.
Но как тепло ценить,
Не испытавши стынь?
И нет пути к весне, —
Как через пламя вьюги!
Тюльпаны и полынь,
Тюльпаны и полынь.
Когда навстречу нам
несли цветы калмычки, —
Торжественный рубин,
Тайнственный агат, —
Благоуханье нас
Пьянило с непривычки,
Тюльпаны и полынь —
Как сладок аромат!
А как прощались мы,
Я помню и поныне.
Тюльпановый букет
Поник и невпопад
Ударил мне в лицо
Дыханием полыни.
Тюльпаны и полынь —
Как горек аромат!
Природа ль так мудра,

А может, совпадение?
Цветами обожгись,
В густой траве остынь.
Как радость и печаль
Два маленьких растенья,
Два полюса степеней —
Тюльпаны и полынь.

ПЕЙЗАЖ

Солнце жжет голубые туманы,
Солнце электросваркой слепит.
От жары извивается Маныч¹
На литой сковородке степи.
Чабаны наблюдают с улыбкой,
Как по небу,
Натужно урча,
Самолет проползает улиткой,
Клейкий след за собой волоча.

W

НА БРАСЛАВСКИХ ОЗЕРАХ

Серебряные блюда белорусской чеканки
В обрамлении тонких песчаных оправ
Уложены на скатерти-самобранке
мягчайших трав. ,
Леса прибрежные
Полны покоя и озона.
Слышна и паутинка,
вибрирующая на весу!
Какие тихие и кроткие
Браславские озера,

---

¹ Маныч — единственная калмыцкая река

Податливые и мотору,
и веслу...
О, эта кротость северной природы!
Такая беззащитность красоты —
Щемит в груди.
Как чужды здесь
Транзисторы и лодочно-моторные походы.
Сюда один приди,
один приди,
Без туристической орды.
Быть перед красотой безоружным должно.
Я не согласен, что для нас
Природа — только мать.
Быть может, — дочь?
А покорять природу стало так несложно,
Так сложно стало нам
Природу понимать.
Серебряные блюда северной чеканки
В свеченьи тонких солнечных оправ
Дрожат на белорусской самобранке
Мягчайших трав.
Природа, дочь!
Побольше радостей тебе,
Поменьше боли.
Да возродишься ты
Так первозданно и светло!
...Но злой пираньей мечется в прибое,
Кромсая берег,
Битое стекло.

НЕДЕЛЬНЫЙ ОТПУСК

Берез полночное сиянье,
И тяжесть ртутная росы,
И наше новое свиданье,

Россия средней полосы.
Взметни же сосны голубые
Над скорбью ивовой лозы.
Мы целый век в разлуке были,
Россия средней полосы.
Не хмурь ореховые брови,
Не прячь медлительной красы.
Здесь отчий кров.

Я — кровь от крови
России средней полосы!
В края,
Что мне даруют милость,
Свое дыханье донеси —
Моей любви неистребимость —
Россия средней полосы.
Вослед за близким расставаньем,
Россия средней полосы,
Возникни не воспоминаньем, —
В душе — березовым сияньем,
На сердце — тяжестью росы.

ВСТРЕЧА ОСЕНИ В ДЕРЕВНЕ ПРИГОРЬЕ

Маме

То перелески, то балочки,
Дальних берез светляки.
Крыши, как белые бабочки,
Замерли возле реки.
Теней полуденных карлики
Путаются у ног.
Луг,
Как бильярдные шарики,
Катит за стогом стог.
Скорый проносится споро,

Окна мелькают, как дни.
Желтым огнем семафора
Светят лобастые пни.
Темен ручей затаенный,
Птиц предотлетный урок...
Из паутинок сплетенный
К осени робкий мосток.
Север прерывисто дышит.
Вот и октябрь-старина.
Изморозью па крыши
Ляжет его седина.

НОЧНОЕ ОБЛАЧКО

Предутренних предметов невесомость.
Возникло облачко хрустальное,
И вот
Оно, как сон,
А может быть, как совесть,
Над спящими кварталами плывет.
Еще в садах дремало сладко лето,
Ночные не ослепли фонари.
Еще бесшумных тополей ракеты
Не стартовали в синеву зари.
Заботы спали
И дела большие,
И мелкие — не начали возню.
Забылась зависть — где-то на отшибе,
И тихо злоба сохла на корню.
Будильников
И тех сморила нега,
Окраину проспали петухи.
Лишь облачко в себя вбирало немо
Тьму, будто наши
тайные грехи.

Беспечно спали взрослые,
Как дети,
Касалась радость сердца и лица.
И стало облачко
Вначале — цвета меди,
А после — цвета бурого свинца.
Рождался день желанный и кипучий.
И мы, вдыхая сладостный озон,
Недобрым взглядом провожали тучу,
Зловещую,
За дальний горизонт.
К успеху,
Что сулили все приметы,
Несла нас лихо юная Земля.
И словно серебристые ракеты —
Летели в бездну неба тополя.
Но вновь, когда
Ночная невесомость
Нас в легкий сад забвений позовет,
Над миром, словно сон,
А может, — совесть,
То облачко хрустально проплывет.

РОДНОЕ

Среди неопознанных станций
Твой поезд внезапно замрет...
И память прошепчет: останься.
Заботы прикажут: вперед!
Стоянка минутой — не боле.
Но дрогнут сирени кусты,
И сердце сожмется от боли,
И память прошепчет: прости.
Какие сверхмертвые петли
Беспечно готовит судьба?

Как филин
 В полуденном пекле,
 Слепая чернеет изба.
 И полдень,
 И полночь наполнит
 Душой осязаемый свет.
 И хочется что-то припомнить,
 Да времени,
                         времени нет!
 Минута струится устало.
 — Вернусь!
 И почувствуешь — ложь...
 Ведь этот святой полустанок
 Захочешь —
 И то — не найдешь.
 Где вокруг вековечного сада
 Ограда из ветра и дней,—
 Церквушка, кресты и — ограда.
 Что было, что скрылось за ней?
 На все это
 Лягут изломом
 Двух рельсов тугие рубцы
 И скроются за окоемом,
 Буквально — как в воду концы.

См. редакцию
БЕГ

в словах и действиях

Тверже шаг,
 Тверже шаг.
 В спину лидера дышишь.
 Каждой долей секунды
 Значителен прожитый век!
 Тверже шаг,
 Тверже шаг,—
 Вот уже приближается финиш.

А за финишем что?
Вечный времени бег.
...Вновь на линии старта
Все станет спокойней и строже.
Как в холодную воду
В свой первый войду поворот.
Наши белые майки
На фоне разметки дорожек
Вам напомнят костяшки
Бухгалтерских счет.
Мы считаем круги,
Так мучительно долго считаем,
С наслаждением странным
Каждый минуя вираж.
Мы пока что не лидеры
И поэтому не вызываем
На трибунах и в ложах
праздный ажиотаж.
Получив свою лепту
Аплодисментов и сплетен,
Лидер сходит с дистанции,—
Шлейф состраданий за ним.
Лидер сходит с дистанции.
Лик его светел,
Как познавшего нечто
Недоступное остальным.
Нам его не понять.
Он теперь ведь — не нашей «династии».
Так, как сорванный плод,—
Не родня
Тем, что светят в саду.
Но клянусь, ради всех вас,
Сошедших с дистанции,
Я уже никогда не сойду!
Тверже шаг,
Тверже шаг,

В спину лидера дышишь.
Каждой долей секунды
Значителен прожитый век!
Тверже шаг,
Тверже шаг,
Мы уже пробежали и финиш.
Что нам финиш, когда
Продолжается бег.

✓, * * * оригинал.

Коль русла тиной поросли
Обыденности тусклой,
Как реки, празднуя разлив,
Мы покидаем русла.
Из бережков, где с давних пор
Текли почти безвестно,
Нас манит
И влечет простор,—
Нам тесно.
Через отчаянье души,
Пронзительно-орлино,
Летим, звенящи, как пожи,
Долой плотины!
Мы не намерены шутить,
В порывах,
Что так редки,
Себя нам надо ощутить,—
Мы — реки!
Голубизной гори, вода,
Как пламя автогена.
Мы познаем себя, когда
Мы в апогее.
Нам — рядовым в большом строю,
Нам — вышедшим на смену,

Так важно силу знать свою.
И цену!
...Стихия!
Будничность нарушь,
Когда твое значение —
В спасеньи рек,
В спасеньи душ
И русел очищеньи.

НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ

Подножка!
Захлопала крыльями боль.
Дорожка
Теперь мне закрыта в футбол.
Пинайте!
Такая уж, видно, судьба.
Пенальти?!
Да, нет —
«Либерален» судья.
...Когда я «в ударе»,
Мне в спину верзила хрипят.
Кто туп и бездарен,
Те честной игры не хотят.
Подножка,
   подрубка,
   подсечка,—
Играете в пах,
А не в пас.
А боль, как повестка
С приказом — навечно в запас!
...Но где вам угнаться,
Но где вам распутать финты?
Да мне ли бояться
Беспомощной вашей тщеты?!

Я фланги терзаю,
 По центру лечу, как газель.
 Уже осязаю
 Растерянно-близкую цель.
 ...Вы бьете искусно,
 Своих «подопечных» круша.
 Как трудно искусство,
 Как просто его разрушать!
 Пока что к исходу
 Отчаянный матч не пришел.
 Пронесятся годы,
 И близок решающий гол.

УТРЕННИЙ СНЕГ

Этот утренний снег —
 На вчерашнюю топь,
 Этот утренний блеск,
 Неподдельный, холодный и робкий,
 Снова миру воздаст
 Целину для нехоженых троп.
 Но, увы, мы пойдем,
 Мы пойдем
 Проторенною тропкой.
 Сколько в мире людей
 И грядущих дорог!
 Мы ж гуськом семеним!
 Колея — в колею,
 След — по следу.
 Был ли старт наш — не видно.
 А финиш уже недалек,
 Где избитые тропы,
 Как шрамы, легли на планету.
 Нам — накатанный путь!

Это в нашей крови.

Пусть соперник пройдет целину,
миражи и бураны.
Но глядит мне в глаза
облученный смертельно Кюри,
Но с костра угольком
обжигает мне сердце Джордано.
...Этот утренний снег,
Словно шепот: замри!
И пред ним
(Как пред зеркалом!)
Замерли мы у порога.
Не на чьем-то лице,
А на лике Земли,
(В этот утренний снег!)
Как рубец, кровоточит дорога.
Этот утренний снег...

СОЖАЛЕНИЕ

Снова гляжу рассеянно,
Словно кому-то вслед.
Словно мной что-то потеряно.
Что?
И названья нет.
Было все так неустроенно,
Зыбко —
Куда ни взгляни.
Будто рояль расстроенный,
Зло рокотали дни.
Бывший рубеж недоступности
Влек меня и
Устрашал.
Но, как пенальти, все трудности
Все-таки я отражал.

Под неудачами нынче
Подведена черта.
Что ж я — удачливый — взвинчен,
А на душе — маята?
Было все так неустроенно,
Зыбко —
Куда ни взгляни.
В напрочь судьбе перекроенной —
Лучшие были дни!
И не набраться терпенья,
Свыкнуться с жизнью такой:
Ясность,
                        беспорность,
  везенье.

Полный покой.
Можно, конечно, иначе...
— Полно, мой друг.
Розовый шарик удачи
Выпустить тяжко из рук.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Все прахом —
И любовь, и грезы.
Есть кров,
Да холоден очаг.
Все меньше чувств,
Все больше позы
В твоих делах,
В твоих речах.
Заемных шуточек бряцанье,
Искусных слезок мишура.
И патетичность восклицанья:
Ах, наша жизнь — игра, игра!..
И отступленье — хоть не сразу —

В свой листопад (по зеленым!)
 К отрепетированным фразам,
 К отрежессированным дням.
 Но в жизни —
 Не на сцене мглистой —
 Досаду вызовет — не боль —
 Претенциозного артиста
 неподдающаяся роль.
 Не скажешь ты, что карты биты,
 Не выдашь горечи и зла.
 Но черным, с умыслом, покрыты
 В твоей квартире зеркала.
 Когда ж отчаяньем влекомый,
 Защитный креп
 Срываешь ты —
 Кривляка злой и незнакомый
 Глядит из мутной пустоты.

НА МОГИЛЕ УЧИТЕЛЯ

Едва мы — тревожные всходы —
 Родные осветим поля,
 Из жизни внезапно уходят
 Любимые учителя.
 Их,
 Выбравших время лихое,
 Томила житейская гладь.
 Впервые они на покое,
 Учившие смерть презирать.
 С годами ясней их заветы.
 Но вдруг
 Среди нервного дня
 Ужалила мысль,
что на свете
 Вот так же не станет меня.

Как факелы —
  в чаще лисицы,
Как молния —
  в речке форель.
Друзей моих милые лица,—
Все будет тогда, как теперь.
И моря янтарного бубен
Качнется,
Волною звеня,—
Что было, то будет,
То будет!
И только не будет меня...
Не будет!
Предательски гложет
Меня неумная мысль.
Так буря оставить не может
В покое обветренный мыс.
...Но крепнут тревожные всходы —
И светятся в полночь поля,—
Из сердца уже не уходят
Любимые учителя.
Слова на кладбищенском камне,
И в рамочке траурной лик...
О, как Вы смотрели в глаза мне,
Чтоб понял урок ученик!

* * *

О чем молчишь, товарищ мой?
И наблевшее не скажешь.
На сердце тяжесть
Или за спиной?
Так над полярским и худым
(Стволы черны, как будто в сажел)
Над гордым садиком твоим

Висит снегов немая тяжесть.
Раскройся, занавес небес!
Прорвись,
Как тяжкий вздох больного!
...И вот надрывный
Снежный блеск
Слепит из времени иного.
Прими его, как дар судьбы,
Как дар заботливой природы.
Ты скажешь:
— Веселее, вроде...
Хоть нотки голоса слабы.
Но снег,
твою впитавший грусть,
Осунется и станет серым.
А ты, блаженно сбросив груз,
душой светлеешь,
крепнешь телом.
Пресветлым дням пришел черед.
Гуляешь по снежку, товарищ?
Поставишь ногу —
Пристает.
И будто с кожей отрываешь.

МОНОЛОГ Ф. ЛИСТА

(Из Лины Костенко)

Мэр Киева отнюдь не злится,
Мэр Киева не знает Листа.
И по его «разумной» воле
Мои концерты на Подоле.
Торговцы в зале!
Что же проще?
Я их презреньем покараю!

Гудит Контрактовая площадь:

Они торгуют,

Я играю.

И сделки,

сделки без антрактов.

И руки,

руки, точно клещи.

И после выгодных контрактов

Они мне шумно рукоплещут!

Кто рукоплещет?

Старый шулер,

бездарный шут

и пьяный денди.

И все равно,

что Лист, что Шуберт,

Пускай хоть Моцарт,

лишь бы — деньги!

Я задыхаюсь, умираю.

Товар — лицом,

Лицо — товаром.

Что б не играл, —

Я проиграю.

Я запущу в них гонораром!

Я — рыба,

Вырезаны жабры!

Но мне за это платят щедро.

И золотые канделябры

Дрожат в агонии крещендо.

Дрожат купеческие крали.

Как током бьет их плотский трепет.

Но, боль моя!

Я вижу в зале

Одно лицо...

второе...

третье...

О, люди!

В этой свалке пошлой,
Среди рублей,
Среди каратов
Вы на Контрактовую площадь
Пришли совсем не для контрактов,
Ко мне пришли.
Спасибо доле,
Что есть друзья, как были прежде
В Париже, в Риме, в Будапеште,
И точно так же на Подоле.

И СНОВА ПРОЛОГ

(Из Лины Костенко)

Дан мне день.

Дан мне миг.

И дана еще вечность в придачу.

Было счастье дано,

Променяла его на беду.

Голубыми дождями

сто раз над тобою заплачу.

Гиацинтовым солнцем

сто раз над тобою взойду.

Как с тобой беззащитны мы

Друг перед другом.

Эта наша любовь

Тайнам первых причастий сродни.

Ночь казалась рассветом,

Рассвет разрастался упруго,

И предчувствием счастья

горячие наполнились дни.

А теперь.

Что теперь?

Дни и ночи безликие мимо.

На пожарах печали
Крылья памяти опалю...
Если б знал ты, как сладко
И, нестерпимо,
Словно сначала,
Люблю.

ПРЕДЧУВСТВИЕ, НАДЕЖДА И ЛЮБОВЬ ✓

Звучанье горечи сродни дыханью скрипки
В тиши страдания, когда гнетет вина.
Простите мне все прошлые ошибки.
— Прощаю,— отзывается струна.
Струна предчувствия,
звучи светло и нежно,
Спасай надеждой душу вновь и вновь,
Ведь боль анестезирует надежда,
Но исцеляет все-таки любовь.
И чем пронзительнее горечи звучанье,
Тем безотчетнее влечение любви.
И мимолетной встречи неслучайность
Толчками отзывается в крови.
Всю накипь туч шальных,
Всю тяжесть злых туманов
Заветный дождь с души и с неба смыл.
Боль разочарований и обманов
Хоть не затихла — потеряла смысл.
Не прошлой памятью,
Не будущим гореньем,
Любовь живет во слаwie свое
Теперешним — единственно — мгновеньем,
Все прочее вне логики ее.
...О жизнь-судьба!
Неся нам скорбные крушенья,
Все ж каждый раз, как благостную новь,

Даруешь эту лесенку спасенья:
Предчувствие,

надежду
и любовь.

И коль напомним нам
Года о смертном часе,
Нас вызволят из времени оков
Бессмертия три вечных ипостаси:
Предчувствие,

надежда
и любовь.

...Звучанье горечи
Сродни дыханью скрипки
В тиши страдания, когда гнетет вина.
Простите мне все прошлые ошибки...
— Прощаю, — обрывается струна.

ОЖИДАНИЕ

Трепет моего ожидания
Подчинен странному циклу, —
Что-то похожее на прибой.
Каждый шорох дверей операционной —
Волна моего смятения.
Дверь открылась и закрылась, —
Смятение нарастает,
Оно достигает апогея —
больше выдержать нельзя!
В это мгновение вновь открывается дверь,
— Не волнуйтесь. Все будет в порядке,
Операцию делает Н...
Дверь затворяется.
Там ты,
Погруженная в эликсир
беспамятства и боли.

Каждый шорох двери — волна...

Каждый шорох двери — волна...

Каждый шорох двери — волна...

Бесшумно время

В белых больничных бахилах.

Запястья и щиколотки

прихвачены мягкими ремнями

К операционному столу.

Жизнь человеку дает солнце.

И капельница с гибким шлангом

И вонзенной в вену иглой.

Последняя волна прибоя:

Как в шлюзе,

открываются обе половинки двери.

О, если б знать,

Из какой сферы в какую

Он переправляет тебя!

Чуть поскрипывают белые колесики,

Окантованные черной резиной.

Отброшенный желтый локон

Хранит старания утренних бигуди.

— Не волнуйтесь.

Теперь вам лучше уйти...

Сестра-хозяйка выдает больному пижаму.

Нянечка несет обед «лежачим».

За окном катится с горки трамвай —

«Техпомощь».

Чуть поскрипывают колесики «каталки»,

Окантованные черной резиной.

Ожидание.

Сон ожидания. Именно сон.

Мерещится стальной многожильный трос,

Натянутый непомерным грузом.

Несколько проволочек лопнуло...

Ожидание...

До предела...

Я удивляюсь тому,
 Как все знакомо:
 Провинциальной улицы размах,
 Большие окна перекрашенного дома,
 Застенчивые днем,
 Зовущие в ночах.
 Сарая крыша мшиста,
как дубленка,
 Огромной лужи голубой поднос.
 Над ней торчит водопроводная колонка,
 Задрав рычаг,
 Как Буратино нос.
 Я здесь впервые.
 Что за наважденье?
 Откуда мне известно наперед,
 Что за углом,
 Как под высоким напряженьем,
 Во весь накал акация цветет?
 Я сделал так:
~~Закрыв глаза и уши
 (Взглянуть со стороны — сошел с ума).
 И вот иду,
 Ни разу не споткнувшись!
 Хоть улица и не ровна,
и не пряма.~~
 Эксперимент окончен.
 В чем же дело?
 Опять в предположениях мечусь.
 Все утренние чувства отлетели.
 А здесь —
Как новый шаг, так смена чувств.
 Лужайка — беспокойство,
 Дом — волнение,
 Окно пустое — горький стыд, как нож.

Смятение
И позднее прощенье,
И рельсов дрожь,
Прощальных рельсов дрожь.
...Как нас планета бешено вращает!
Вперед. Вперед! Еще вперед!!
Но вдруг
Помимо нашей воли возвращает
На старый круг,
На кровный круг,
На вечный круг.

УРОКИ ГОРНОЛЫЖНОГО СПОРТА

Третий день,
Как встали на лыжи.
Ветра посвист
Да снега хруст.
А когда поднимаешься выше,
Вскинув шпиль — щетинится Хуст.
Льется Тисса,
Не замерзая,
Волны мелкие, как озноб.
Засмотрелся!
Со вкусом врезаюсь
В разлетевшийся вдрызг сугроб!
От насмешек теперь не скроюсь.
Но лыжня,
Словно партия блиц, —
Вновь лечу,
Ведь богиню Скорость
Почитая,
Не падают ниц!
Моя Скорость
В аленьком свитере.

Вся — порыв,
Вся — азарт игры,—
Как кровиночка — на палитре
Снежных красок горы.
В ледяном
первозданном звоне
Пронесется она чуть свет,
Мне в душе
И на горном склоне
Свой кометный оставив след.
...Тисса камни ворочает грозно.
Вихрь снежинок ли? —
Брызг огня!
Появляйся,
Еще не поздно,—
На заснеженном склоне дня.

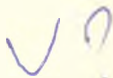
* * *

Одиночества не приемлю,
Просто грусти не вышел срок.
Вот акация чутко дремлет.
Разве с нею я одипок?
Вот взметнулась в притворном страхе
Стайка птиц из-под самых ног.
Заповедные бойкие птахи,
Разве с вами я одинок?
Мой щенок, ожидая ужин,
Заливается, как звонок.
Значит, я хоть кому-то нужен
И поэтому не одинок.
Посмотри, как вечерние волны
Запоздалый швыряют челнок.
Он — стремительный и проворный —
Разве скажешь, что — одинок?

...Среди запахов, щебета, писка
Шаг неспешен мой,
Путь далек...
Фотографии, старые письма...
Разве с ними я одинок?

ЗАВЕТ

Пускай мой соперник горяч и умен,
И спор проиграешь такому, как он.
Я все-таки в схватку уйду с головой,—
Последнее слово да будет за мной!
Пусть дело, которому жизнь посвятил,
Потребует всех моих мыслей и сил.
Дорога проверит меня крутизной,
Но знаю — последнее слово за мной.
Коварная сплетня — злой зависти плод —
Любимую вдруг у меня украдет.
Все ж не усомнюсь я в развязке иной,
Чем та, где последнее слово за мной.
А если в угоду прискорбному дню
К лукавым врагам попаду в западню,—
Забьюсь точно птица в сети роковой,
Но слово последнее будет за мной.
Случится, что свалит внезапный недуг,
Когда не поможет ни врач и ни друг.
Оно — неподвластное смерти самфй —
Последнее слово вновь будет за мной!
Со мною, дожившим до поздних седий,
Поспорит когда-то мой будущий сын.
В сужденьях поспешных он так уязвим...
Но слово последнее будет за ним.

СОДЕРЖАНИЕ

Певчие птицы	3
В ночь на 9 мая	4
Калмыцкие степи	4
Пейзаж	6
На Браславских озерах	6
Недельный отпуск	7
Встреча осени в деревне Пригорье	8
Ночное облачко	9
Родное	10
Бег	11
«Коль русла тиной поросли...»	13
На футбольном поле	14
Утренний снег	15
Сожаление	16
Превращение	17
На могиле учителя	18
«О чем молчишь, товарищ мой?»	19
Монолог Ф. Листа (Из Лины Костенко)	20
И снова пролог (из Л. Костенко)	22
Предчувствие, надежда и любовь	23
Ожидание	24
Память	26
Уроки горнолыжного спорта	27
«Одиночества не приемлю...»	28
Завет	29

*Павел Борисович
Баулин*

**КАМЕРТОН
ДОБРОТЫ**

С т и х и

Редактор В. И. Мищенко
Художник В. И. Еременко
Художественный редактор
Е. И. Романов
Технический редактор
В. С. Зрелая
Корректор Н. А. Таран

ИБ № 1622

Слано в набор 24.10.85. Подписано в
печать 11.12.85. БТ 70346. Формат 70×
90^{1/2}. Бумага для глуб. печати. Гар-
нитурa обыкновенная новая. Печать вы-
сокая. Усл. п. л. 1,17. Усл. кр.-отт. 1,39.
Уч.-изд. л. 1,382. Тираж 3700 экз. Зак.
№ 337. Цена 15 к.

Издательство «Промінь»,
320070, Днепропетровск,
просп. К. Маркса, 60.

Областная книжная типография,
320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20.

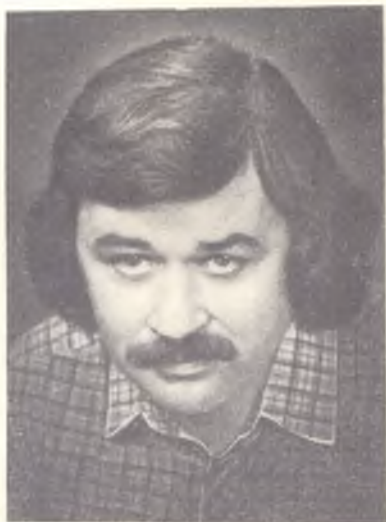
Баулин П.

Б-29 Камертон доброты: Стихи.— Днепропетровск: Промінь, 1986.— 30 с.

В новый сборник русского советского поэта вошли стихи о наших современниках. Любовь к родному краю, истории Отечества, самому близкому человеку — вот чему посвящены размышления автора книги.

Б 4702010200-001 58-86
M219(04)-86

P2

Павел Борисович Баулин родился в 1949 году в городе Горьком. В 1971 году окончил Запорожский машиностроительный институт имени В. Я. Чубаря.

Работает преподавателем в профтехучилище.

Павел Баулин — автор поэтического сборника «Родниковые дни» (издательство «Промінь», 1980 г.).

«Камертон доброты» — вторая книга поэта.